



Л. М. Бухармедова

Закон об исторической памяти: дань памяти или запоздалое возмездие

Лейла Мусаевна Бухармедова,
зав. кафедрой европейских языков ВКИЯ МИД России,
канд. ист. наук. clavel57@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются предпосылки принятия в декабре 2007 г. Закона об исторической памяти, который всколыхнул всё испанское общество и вызвал ожесточённые споры, которые показали, насколько болезненна эта тема и неоднозначно отношение испанцев к своему франкистскому прошлому. При этом полемика, которая развернулась вокруг этой темы, часто определялась не столько научными, сколько политическими пристрастиями.

Ключевые слова: Испания, франкизм, демократия, амнистия 1977 г., Закон об исторической памяти, раскол общества, международные организации.

Historical Memory Law: a tribute or a late retaliation?

Leila Bukharmedova, Director of the Department
of European Languages of the Higher Foreign Language Courses
Ph.D. History. clavel57@mail.ru

Abstract: The article deals with the background of the Historical Memory Law that was passed in 2007. It stirred up the Spanish society and caused fierce debates which demonstrated how sensitive this issue is for the Spaniards and how controversial their attitude is towards the Francoist past of the country. At the same time the debate surrounding this issue often depended on political preferences and wasn't built on the basis of scientific interest.

Keywords: Spain, Francoism, democracy, 1977 Amnesty Law, Historical Memory Law, the division of society, international organizations.

В июле 2016 г. исполнилось 80 лет с начала гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. В истории любой страны гражданская война — это самые трагические страницы: это не объединение народа на борьбу с общим внешним врагом, а война внутри самого общества, которое как кровавым ножом разделено на два непримиримых лагеря. И, естественно, эта тема никогда не будет предана забвению и ещё очень долго, с большим или меньшим накалом, будет вызывать дискуссии как в обществе, так и в научных кругах. При этом неизбежна политизация восприятия трагического прошлого.

Поэтому неудивительно, что так всколыхнул испанское общество принятый в декабре 2007 г. «Закон о признании и расширении прав, а также установлении мер в пользу граждан, перенесших преследования или ставших жертвами во время гражданской войны и диктатуры», который сокращённо называют «Законом об исторической памяти».

Закон предусматривал целый ряд мер: снос памятников франкизма, удаление мемориальных досок и переименование улиц и площадей, названных в честь известных деятелей франкистской эпохи и побед националистов в годы гражданской войны (это касалось всех общественных и частных зданий, исключением являлись лишь архитектурно-художественные детали соборов); оказание помощи родственникам республиканцев в поиске и перезахоронении тел погибших в гражданской войне родных; предоставление испанского гражданства тем, кого в детстве вывезли из Испании в другие страны, а также их детям; отмену решений полевых судов франкистов, которые вынесли более 50 тыс. смертных приговоров в годы гражданской войны и позже (при этом некоторые из них были вынесены задним числом); открытие в Саламанке информационного центра, частью которого должен стать архив гражданской войны.

16-я статья посвящена «Долине павших», которая по новому закону из мемориала франкизму превращалась в исторический памятник. Её сооружения были внесены в реестр объектов государственного достояния, и проведение политических мероприятий здесь отныне запрещено.

Закон, который, по мнению его разработчиков, был призван консолидировать демократию, установленную после долгого периода диктатуры, восстановить справедливость, а также предусматривал моральное и материальное возмещение жертвам репрессий, как это предписывают нормы международного права, вызвал ожесточённую полемику в испанском обществе и резкую критику как с правого, так и левого фланга.

Не учитывая исторического контекста, невозможно понять, почему этот закон был принят именно в 2007 г., через 70 лет после окончания гражданской войны, которая закончилась установлением 36-летней франкистской диктатуры и более чем 30 лет демократического режима.

Переход к демократии в Испании происходил через переговоры и явился следствием стратегии компромиссов со стороны политических оппонентов, однако после смерти Франко публичная критика диктатуры всячески избегалась. Так, закон об амнистии, которого требовала оппозиция, с одной стороны, должен был способствовать освобождению из тюрем политических заключённых, с другой — обеспечивал долговременную неприкосновенность сотрудникам органов безопасности франкизма. Фактически всеобщая амнистия 1977 г., первая официально принятая новым демократическим парламентом мера по отношению к репрессиям прошлого, являлась пактом о забвении обществом недавних преступлений диктаторского режима.

Вследствие этого, на протяжении 20 лет тема гражданской войны и франкистского режима в политической жизни Испании практически не существовала. «Транзисьон», воспеваемый всеми период перехода от диктатуры к демократии (1975—1982 гг.), проходил при официально поддерживаемом замалчивании спорных и неудобных с точки зрения национального согласия тем гражданской войны и франкизма. Провозглашённая в те времена политика «общенационального примирения» была направлена на то, чтобы любой ценой не допустить конфронтации, раскола общества, избежать новой гражданской войны. Все силы были направлены на поиски компромисса между представителями всех политических течений и на новые политические преобразования в целях установления желанной демократии.

В одном из своих интервью Хавьер Самора Бонилья, профессор истории политической мысли и современной истории Испании и Европы Мадридского Университета Комплутенсе и колумнист газеты *El País* сказал: «Начиная с 1980-х гг. страха уже не было. Скорее, было осознание, что тот период нашей истории — это период мрачный, горький, с обилием жестокостей, совершенных обеими сторонами, и что лучше всего было забыть обо всём, либо переживать молча» [1].

Об этом же пишет и д-р. ист. наук профессор МГИМО С. М. Хенкин: «...краеугольным камнем испанского перехода к демократии стал консенсус между антифранкистами и бывшими франкистами, а сердцевину этого консенсуса составлял так называемый пакт забвения. Он не был подписан, но действовал по всеобщему молчаливому согласию. Левые и правые, испытывавшие страх перед повторением ужасов гражданской войны, ставшей огромной моральной травмой для нации, сотрудничали в его рамках. Дабы предотвратить кровопролитие, жертвы репрессий отказались от намерения мстить и сводить счеты» [2].

И только с конца 1990-х гг., как в прессе, так и в политических и гражданских кругах, стало зарождаться новое движение, требующее снятия табу с «пакта молчания» — так критически настроенная часть населения называла принятую до тех пор по отношению к диктатуре общественно-политическую тактику.

На рубеже тысячелетий можно было наблюдать совершенно новые социальные и культурные тенденции, касающиеся переосмысления обществом франкистского прошлого. Если раньше

о репрессиях недавнего прошлого в Испании молчали все, включая историков, теперь, в конце 1990-х гг., эта тема стала одной из наиболее широко обсуждаемых. Освещение и анализ этих тем в СМИ, на научных форумах и в массовой культуре указывал на очевидную отмену «пакта молчания», который действовал 25 лет после смерти Франко.

В течение последних лет в Испании вышло в свет бесчисленное множество научных исследований о политике и практике репрессий во времена Франко. Об этих временах повествуют новые романы. О колоссальном интересе аудитории к художественным описаниям этих аспектов прошлого свидетельствуют огромный успех романов Хавьера Серкаса «Солдаты Саламина» и Дульсе Чакон «Спящий голос», Эдуардо Мендоса «Кошачья свара», фильма Гильермо дель Торо «Лабиринт фавна» и др. О жертвах репрессий рассказывали выставки и телевизионные программы, в их память устраивались концерты. В этих новых тенденциях проявлялась возрастающая потребность гражданского общества пролить свет на многие старательно замалчиваемые факты недавнего страшного прошлого.

Накануне 70-летия начала гражданской войны (2006 г.) эта тема приобрела особую остроту и стала широко обсуждаться как в обществе, так и в средствах массовой информации. Некоторыми это воспринималось как окончательный разрыв с политикой «навязанного забвения», который сопровождался новыми идеологическими противостояниями, воскрешавшими в памяти политическую конфронтацию в Испании 1930-х гг. При этом самих участников тех событий практически не было в живых, испанское общество пережило глубокую трансформацию и было совсем не похоже на общество времен гражданской войны и франкизма.

Сменявшие друг друга демократические правительства придерживались политики консенсуса и тем или иным образом, постепенно и негласно помогали жертвам гражданской войны, однако определённая часть общества всегда считала, что по отношению к жертвам франкизма эта помощь недостаточна. Левая интеллигенция начала открыто выступать за официальную и всеобщую реабилитацию упомянутых жертв.

Непосредственным толчком к воскрешению этой темы стало появление в начале нового тысячелетия так называемого «движения за восстановление исторической памяти», а фактически — трагической судьбы республиканцев во время и после гражданской войны. Оно ставило своей целью привлечение общественного внимания к судьбе репрессированных во времена гражданской войны республиканцев, так называемых «пропавших без вести» (*desaparecidos*).

Началось всё с того, что в 2000 г. мадридский журналист Эмилио Сильва посетил своё «родовое гнездо» — селение Приаранса-дель-Бьерсо в провинции Леон [3]. И в сентябре того же года он опубликовал в газете *La Crónica—El Mundo* статью под названием «Мой дед — тоже *desaparecido*», где подчеркнул, что Испания приветствовала арест Пиночета, судья Бальтасар Гарсон начал судебные процессы в Аргентине и Чили, то же самое происходит в Гватемале. Но в Испании ничего подобного не делается, хотя и у здесь были свои *desaparecidos* [4].

В октябре 2000 г. в Приаранса-дель-Бьерсо успешно провели эксгумацию останков казнённых. В декабре того же года Эмилио Сильва и Сантьяго Масиас вместе основали Ассоциацию возрождения исторической памяти (*Asociación para la Recuperación de la Memoria Histórica, ARMH*). Она была зарегистрирована в Министерстве внутренних дел как благотворительная организация и ставила своей целью поиски «пропавших без вести» времён гражданской войны и более позднего периода. Это была одна из первых организаций, которая провела вскрытия массовых захоронений. В пору своего становления это была небольшая группа активистов. Однако вскоре деятельность сообщества получила огромный общественный резонанс, нашла отклик и в средствах массовой информации и вскоре распространилась по всей территории Испании. Количество подобных организаций непрерывно увеличивалось: только с 2003 до 2005 гг. их число возросло с 30 до 170 [5].

Почему это движение родилось именно в начале 2000-х гг.?

Подобные организации существовали и раньше, но они были немногочисленны и разрозненны; они никак не связывали себя с «исторической памятью» и не имели широкой социальной поддержки. Теперь же появилось новое поколение, менее толерантное по отношению к безнаказанности тех, кто нарушал права человека. Эти молодые люди выступали за справедливость уже опираясь на международное право. И их требования подхватила часть общества. Такое массовое распространение гражданских инициатив началось вскоре после победы консервативной Народной партии (НП) во главе с Х. М. Аснаром на выборах 2000 г., на которых он получил абсолютное большинство. Неудивительно, что оппозиционные партии, униженные столь сокрушительным поражением, поддержали это движение, чтобы таким образом перехватить по-

литическую инициативу и использовать наиболее слабое место Народной партии, не желавшей ворошить прошлое.

Именно этим можно объяснить целый ряд парламентских инициатив со стороны Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) и Объединённых левых, направленных на осуждение франкизма и призванных отдать дань памяти его жертвам после стольких лет замалчивания этой темы. При этом особую активность проявили Объединённые левые, которые в 2002 г. создали Форум за Память и свой сайт, на котором активно обсуждался этот вопрос.

Однако правящая партия не только не пошла на обсуждение этой темы и поиски компромисса, но и ужесточило свою риторику. В итоге она не поддержала большинство предложений, выдвинутых из рядов оппозиции. Консерваторы аргументировали это «нежеланием беречь давно зажившие старые раны и вызывать былое противостояние» после того как было достигнуто национальное примирение, отражённое в демократической Конституции 1978 г. [6].

Неожиданная победа ИСРП на выборах 14 марта 2004 г. возродила надежды общественных организаций, выступавших за реабилитацию жертв франкизма, на быструю реализацию своих инициатив. И в самом деле, новый председатель правительства, Х. Л. Родригес Сапатеро, чей дед тоже пал жертвой франкистов, поспешил заверить о своей поддержке требований общественных организаций. Надо сказать, что ещё в предыдущие годы, когда во главе правительства стояли консерваторы, социалисты поддерживали многочисленные инициативы по восстановлению памяти жертв франкистских репрессий. Мало того, находясь в оппозиции правящей НП, левые и националистические региональные партии сделали тему «исторической памяти» одной из центральных в своей предвыборной программе. Прейдя к власти, социалисты смогли объединить вокруг этой темы всех, кроме консерваторов.

10 сентября 2004 г. была создана межведомственная комиссия с целью «изучить ситуацию с жертвами гражданской войны и франкизма» и предложить меры для их «моральной и юридической реабилитации».

Необходимость принятия «Закона об исторической памяти» социалисты обосновывали тем, что необходимо восстановить традиции демократии, то на что они не решились в годы «транзисьон», чтобы избежать обвинений в реваншизме.

Позиция консерваторов была диаметрально противоположной: по их мнению, стремление «восстановить» память — ненужная и неуместная мера, если не назвать ее реваншистской, а требование справедливости равнозначно мести. Для НП выражение «историческая память» является синонимом «реваншизма» и ставит под угрозу то согласие, которое было установлено во время перехода к демократии. Средства массовой информации консервативного толка начали писать о возможности новой конфронтации в обществе из-за принятия «Закона об исторической памяти».

Однако прошло полтора года и надежды общественных организаций всё ещё были далеки от осуществления. Всеобщее разочарование стало ещё сильнее, когда в сентябре 2005 г. вице-премьер правительства М. Т. Фернандес де ла Вега сообщила о решении правительства «затормозить» работу в этом направлении с целью найти решение, которое «удовлетворило бы обе стороны давнего конфликта и не бредило бы старые раны, а способствовало бы их заживлению» [7].

Несомненно, нерешительная позиция правительства социалистов резко контрастировала с их требовательной позицией три года назад, когда они, находясь в оппозиции, активно разоблачали профранкистскую позицию правящей Народной партии. Однако задача законодательно закрепить положения, которые касались целой исторической эпохи, оказалась гораздо более сложной, чем ожидалось. Ведь речь шла о недавнем прошлом, полным внутренних конфликтов и вооружённого противостояния.

Политическое решение так называемого вопроса об исторической памяти через принятие законов, которые бы содержали явное осуждение франкистов, означало неизбежный разрыв с основными постулатами постфранкизма, которые позволили столь мирный переход от диктатуры к демократии. А именно: не давать политическую оценку недавнему прошлому. Именно идея о взаимной исторической вине, разделённой между двумя лагерями, и составила основу национального примирения, что и позволило осуществить мирный переход к демократии.

Поэтому для власти единственной возможностью не нарушить духа консенсуса был отказ от возложения вины только на одну сторону и признание жертвами всех пострадавших и с той и с другой стороны.

Отсюда и решение правительства переориентировать решение этого вопроса и подготовить

закон, который, по крайней мере в символической форме, упомянет и жертв франкистского лагеря.

Результат такого «поворота» властей нетрудно было предвидеть другой результат — открылась огромная брешь между правительством социалистов и общественными организациями. Последние продолжали настаивать на том, что меры по увековечиванию исторической памяти и разного рода компенсации должны касаться только республиканского лагеря, учитывая, что франкисты и так «наслаждались» властью и привилегиями почти 40 лет. Кроме того, общественные организации опасались того, что желание властей придти к некоему соглашению с консерваторами приведет к принятию половинчатого, двуликого закона...

В итоге проект закона претерпел многочисленные переработки и дополнения. Было даже изменено его первоначальное название на более пространное — «Закон о признании и расширении прав, а также установлении мер в пользу граждан, перенёсших преследования или ставших жертвами во время гражданской войны и диктатуры». Социалисты долго не решались внести закон на обсуждение в парламенте и «пропустили» три символические даты, в которые было бы логично представить документ на рассмотрение в Кортесы. Это — 14 апреля — день провозглашения республики, 22 июня, когда 2006 г. был объявлен «Годом памяти», и 18 июля — начало гражданской войны. В итоге проект был представлен к рассмотрению на последней перед летними каникулами сессии нижней палаты парламента, в пятницу 28 июля 2006 г.

Уже в первой своей версии законопроект вызвал бурные дебаты: гражданские активисты выразили своё разочарование, левая коалиция (Объединённые левые вместе с левыми региональными партиями) критиковали текст как слишком мягкий, в то время как НП со своей стороны полностью отвергала законопроект. Аргументы правых оставались прежними: закон сводит на нет идею всеобщего примирения, которая в своё время позволила плавный переход от диктатуры к демократии.

Так или иначе, жёсткая позиция консерваторов заставила социалистов пойти на некоторые уступки. Тем более что именно ИСРП в своё время была одной из последовательных сторонниц консенсуса, понимая, что общество поддерживает такую позицию. И сейчас на неё не могли не подействовать обвинения в разжигании реваншизма, раскола и отказа от идеи национального согласия.

Социалисты оказались в трудном положении. С одной стороны, нельзя было нарушить консенсус, который был достигнут после смерти Франко, а с другой — надо было увековечить память тех, кто сражался за Республику и подвергался жестоким репрессиям в годы франкизма.

Известный испанский режиссер Педро Альмодовар так описывал сложившуюся ситуацию: «После того, как было совершено предательство, была амнистия, преступления режима Франко требуют, чтобы о них рассказали. Они не могут быть забыты. Конечно, речь не идёт о сведениях счетов, речь идет только о том, чтобы внуки или правнуки этих людей имели возможность прийти куда-то, где они смогут почтить память своих предков. Это вопрос гуманности. Пока мы этого не сделаем, война не закончится». Одну из своих картин, «Разомкнутые объятия» (*Los Abrazos Rotos*) он посвятил тому, что происходило в Испании. На пресс-конференции во время презентации этого фильма в Каннах (19 мая 2009 г.) он сказал: «необходимо восстановить память о прошлом для того, чтобы она не превратилась в незаживающую рану» и свой новый фильм он назвал «метафорой того, что происходит в Испании» [8].

Окончательно закон был утвержден 26 декабря 2007 г. после того, как сенат отклонил вето НП и Левая республиканская партия Каталонии. После многочисленных доработок и исправлений он стал носить ещё более компромиссный характер, который полностью не устраивал ни ту, ни другую сторону.

Председатель правительства Сапатеро и вице-премьер Фернандес де ла Вега сделали все возможное, чтобы закон был принят, отклонив все другие возможные решения. В частности, депутат Рамон Хауреги предлагал либо ограничиться изданием подзаконного акта, что снизило бы накал парламентских дебатов и столь жесткое противостояние, или же искать возможные компромиссы с НП. Однако Сапатеро не только не согласился с ним, но и заменил его выступление в конгрессе на другого депутата. Однако очень скоро события показали правоту Рамона Хауреги в отношении дальнейшей судьбы закона.

Во всех своих выступлениях Сапатеро подчёркивал, что не понимает, «как можно кому-то отказать в праве перезахоронить горячо любимого человека, погибшего при трагических обстоятельствах» и не верит, что подобное право может разделить общество и открыть какие-то раны. Наоборот, эта мера заживает раны войны». Он до сих пор убежден, что принятие закона явля-

лось необходимой мерой. В 2013 г., во время презентации своей книги в Леоне, он назвал закон 52/2007 «важным орудием примирения» между испанцами после гражданской войны, заявив, что «народ имеет право знать свою историю, помнить о страданиях своего народа и исправить допущенную несправедливость — это его долг» [9].

Между тем Ф. Гонсалес, премьер-министр Испании с 1982 по 1996 гг., признал в 2008 г., что он никогда бы не издал «Закона об исторической памяти», потому что «память не зависит от законов», однако добавил, что «он бы попытался помочь людям похоронить своих близких, жертв (репрессий. — Л. Б.), с достоинством» [10].

Таким образом, по этому вопросу не было консенсуса как внутри ИСРП, так и среди остальных левых партий. В частности, близкий к компартии исследователь — профессор Рамон Тамамес писал: «Закон об исторической памяти не выдерживает критики. Историей занимаются историки. Различные версии гражданской войны существовали всегда. Что недопустимо, так это выдвигать официальную государственную версию тех событий. Так же недопустимо будоражить трагедию, с которой люди уже примирились, и пытаться вновь делить Испанию на два враждующих лагеря» [11].

В то же время правые как выступили с самого начала против закона, так и продолжали придерживаться этой позиции. Новый лидер оппозиционной НП М. Рахой уверял, что этот закон — «единственное, что будет порождать, так это неразбериху, проблемы и противостояние, он никого не может удовлетворить». «Какое право имеем мы, политические лидеры создавать людям проблемы там, где в этом нет необходимости». Он настаивал, что «правительство должно взять в качестве образца мирный переход к демократии и не пытаться бередить старые раны» [12].

Бывший лидер консерваторов Х. М. Аснар также выразил свою озабоченность тем, что «с 2004 г. начали вместо будущего смотреть в прошлое, пытаясь противопоставить мёртвых одного лагеря мёртвым другого и свести на нет конституционный пакт, который является основной опорой и гарантией демократии и прогресса в Испании в последние 30 лет» [13].

Не остались в стороне и историки. В частности, Пио Моа, выразив мнение крайне правых, очень резко отозвался о законе, сказав, что «ни одно демократическое государство мира не закрепляет законодательно, что именно должно думать население об истории своей страны, кто в этой истории был положительным героем, а кто отрицательным. Этот метод характерен лишь для тоталитарных режимов... Так что принятый в Испании Закон об исторической памяти носит выраженный тоталитарный характер и основывается, к тому же, на ложной интерпретации истории, в частности, на том, что сторонники испанской республики, входившие в так называемый Народный фронт, якобы защищали демократию в Испании. Это чистой воды пропагандистская выдумка» [14].

Еще одним аргументом противников «Закона об исторической памяти» стали огромные средства, которые должны были пойти на исследования, съемку документальных фильмов, работы по обнаружению могил, на определение останков и так далее (правительство Сапатеро на это выделило около 20 млн евро). Эти траты, по их мнению, были совсем не уместны в условиях небывалого по своим масштабам экономического кризиса, охватившего испанскую экономику и оставившего миллионы испанцев без работы.

Свою лепту в раскол испанского общества внесли и международные организации по правам человека, в первую очередь Amnesty International и Equipo Nizkor, которые также остались крайне неудовлетворенны «Законом об исторической памяти». По их мнению, закон избегал проработки тоталитарного прошлого с юридической стороны и тем самым обеспечивал безнаказанность преступников.

Пришедшая в 2011 г. к власти правая Народная партия, как и следовало ожидать, постепенно прекратила финансирование организаций, занимающихся поиском и раскопкой захоронений. Еще в 2007 г. в одном из интервью М. Рахой сказал, что убрал бы из закона все статьи, касающиеся государственных расходов на «восстановление прошлого... я бы не дал ни одного евро из казны на эти цели» [15].

Став премьер-министром и переехав во дворец Монклоа, М. Рахой исполнил своё обещание, используя в качестве дополнительного аргумента разразившийся экономический кризис. Так, если в 2011 г., последнем для Сапатеро, из госбюджета было выделено 6,2 млн евро только на эксгумации. А в 2012 г., когда к власти пришла НП, эта сумма сократилась до 2,5 млн, а вскоре финансирование и вовсе закончилось, хотя работа ещё предстояла большая.

По данным Верховного суда на октябрь 2008 г., число пропавших без вести во времена франкизма, многие из которых, вероятно, находятся в братских могилах по всей Испании, составляет 114 266 человек, хотя последующие исследования доводили эту цифру до 143 тыс.

Перестав получать экономическую поддержку правительства организации, проводящие эксгумации, даже обращались за поддержкой в ООН. По данным вопросам ООН выступила с критикой правительства Испании. В 2014 г. было создано два доклада «Специальный процесс по содействию в восстановлении правды и справедливости и обеспечению гарантий неповторения» Пабло де Грейффа и второй — «Пропавшие без вести». В этих докладах испанское правительство обвинялось в невыполнении своих обязательств, исходя из норм международного права, в отношении жертв франкизма.

Однако позиция М. Рахоя оставалась неизменной. В 2015 г. правящая и «Союз прогресса и демократии» совместным голосованием отклонили внесённый левыми проект закона о признании 18 июля Днём осуждения диктатуры.

10 марта 2016 г. со ссылкой на финансовые проблемы была расформирована созданная ещё при социалистах в 2004 г. кафедра Исторической памяти XX в. Мадридского университета Комплутенсе, на которой работали более 60 прекрасных специалистов, среди них — историки, юристы, социологи. Поводом для её расформирования послужил конфликт в связи с исполнением того же «Закона об исторической памяти», согласно которому должны быть убраны памятники деятелям франкизма, близко сотрудничавшим с гитлеровским режимом [16]. После многочисленных судебных исков на базе «инфильтрации фальшивок» в газете *El País* подала в отставку ответственная за кафедру Исторической памяти XX в., бывшая советником мэрии по исполнению «Закона об исторической памяти» Мирта Нуньес, объясняя это тем, что городские власти «не способны создать им минимальные условия для работы на должном профессиональном уровне и в спокойной обстановке, что необходимо для любого научного исследования» [17].

Тема исторической памяти продолжает будоражить не только испанское общество. По ней проходит водораздел и у политиков, и у историков, и у простых граждан. Закон, целью которого было «залечить» раны гражданской войны и франкистской диктатуры, часто использовался в пропагандистских целях. Так, совсем недавно, в 2015 г. на презентации своей новой книги о Второй мировой войне, британский историк Энтони Бивор сказал о том, что «закон об исторической памяти Сапатеро был ошибкой. Нужно было лишь оказать помощь семьям в поисках и захоронении своих близких. Но был взят политический ракурс... Это большая ошибка, которая привела к разжиганию конфликта, вместо достижения согласия» [18].

Удовлетворить законные требования жертв, провести расследование и захоронение тех, кто был похоронен в общих могилах и убрать франкистские символы. Это была и личная инициатива тогдашнего председателя правительства Родригеса Сапатеро, у которого была личная и вполне законная заинтересованность увековечить жертв репрессий. И что же произошло? Этот закон, с одной стороны, всколыхнул всё общество, а с другой — не смог удовлетворить те ожидания, которые на него были возложены. Половинчатый, недоработанный характер закона привел к шквалу критики как слева, так и справа, сместив акцент с поисков решений современных экономических проблем, на поиски правых и виноватых в тех далёких событиях гражданской войны 1936—1939 гг.

История всегда вызывает споры, полемику, особенно когда речь идёт о прошлом, которое так болезненно и надолго разделило общество. Вместе с тем бурные дискуссии в связи с «Законом об исторической памяти» ещё раз убедили многих в том, насколько благоразумным было решение творцов перехода от диктатуры к демократии уйти от политических дебатов и горьких воспоминаний сорокалетней давности.

Результаты многочисленных опросов показывают, что и сейчас ни одна из крайних точек зрения не пользуется широкой поддержкой. Напротив, несмотря на любые попытки переоценки испанского «транзисьона», большинство испанцев продолжают гордиться тем, как произошёл переход от франкизма к демократии [19].

Согласно проведённому Центром социологических исследований в октябре 2005 г. опросу по поводу «Закона об исторической памяти», 65 % испанцев признают, что отношение к жертвам франкистов и республиканцев было различным, и вместе с тем 70 % выступают за сбалансированное отношение к победителям и побеждённым [20]. По результатам другого опроса, проведённого 18 июля 2006 г., 64,5 % показали себя сторонниками расследования всего того, что связано с гражданской войной, за вскрытие братских могил и реабилитацию всех жертв, в то время как только 25 % высказались против. Если рассматривать отношение к закону, исходя из политических симпатий, то 77 % голосующих за социалистов поддерживают эту идею, вместе с тем даже среди сторонников НП почти половина (44,8 %) занимают аналогичную позицию [21].

Приведённые выше результаты опросов позволяют ещё раз убедиться, что дух консенсуса имеет гораздо больше сторонников в обществе, чем среди политических элит.

В заключение можно добавить, что интерес к проблеме коллективной исторической памяти наблюдается не только в Испании. Мемориальные законы были приняты и в ряде других европейских стран, причём всплеск их пришелся на 1990-е и 2000-е гг., то есть на то же время, что и в Испании.

Большинство мемориальных законов являются декларативными. Однако в некоторых странах (Австрия, Германия, Бельгия и др.) законы предусматривают уголовные наказания — вплоть до 19 лет лишения свободы (Чехия, Румыния) за отрицание Холокоста. В Швейцарии и Бельгии является уголовным преступлением отрицание геноцида армян в Турции в 1915—1923 гг. [22].

Что касается Испании, то синтагма «историческая память» связана, прежде всего, с событиями гражданской войны и франкизма, и её употребление, как правило, носило на себе отпечаток требования восстановления справедливости, прежде всего со стороны жертв франкизма.

И левые в парламенте, и их сторонники на улицах исходили из того, что «историческая память» — одна-единственная, в то время как она на самом деле множественна, разнородна и противоречива. Вспомним, что даже в лагере побеждённых не было единства, и было несколько течений (социалисты, коммунисты, троцкисты и т. д.), между которыми шла постоянная борьба. Вот почему восстановление единой памяти невозможно, она слишком многогранна. Поэтому в Испании разгорелись столь ожесточённые споры вокруг принятия «Закона об исторической памяти», в которых приняли участие как политики, так и юристы, историки, общественные активисты и простые граждане. Эта тема никого не оставила равнодушным. И у каждого своё, особое мнение на этот счёт, которое одновременно ещё и глубоко личное.

Литература / References

1. Цит. по: Гражданская война в Испании: особенности исторической памяти. 04.11.2015.
2. Хенкин С. М. Испания в полосе турбулентности // Мировая экономика и международные отношения. — 2012. № 4. — С. 75.
3. Silva E., Macías S. Las Fosas de Franco: Los Republicanos que el Dictador dejó en las Cunetas. — Madrid: Temas de Hoy, 2003.
4. El Mundo, 10.10. 2007.
5. Galvez. S. El proceso de recuperación de la «memoria histórica» en España: una aproximación a los movimientos sociales por la memoria // International Journal of Iberian Studies, núm. 19. P. 34.
6. Diario de Sesiones, 20.11.2002.
7. Aizpeolea L. R. Las víctimas de la Guerra Civil y de la dictadura serán rehabilitadas por ley. En: El País, 11.09.2004.
8. Pedro Almodóvar apuesta por la memoria histórica en Cannes. AFP.19.05.2009 [Electronic resource]. — URL: <https://entretenimiento.terra.com.mx/cine/cannes/pedro-almodovar-apuesta-por-la-memoria-historica-en-cannes,7c0870e6fdeb310VgnCLD200000bbceeb0aRCRD.html>
9. ABC, 08.07.2015.
10. Ibidem.
11. Почему в Испании так бурно вспоминают 30-е годы...[Электронный ресурс]. — URL: <http://www.svoboda.org/a/2034990.html>
12. Rajoy: La ley de Memoria Histórica generará «líos, problemas y divisiones». Libertad digital. 08.10.2007 [Electronic resource]. — URL: <http://www.libertaddigital.com/nacional/rajoy-la-ley-de-memoria-historica-generara-lios-problemas-y-divisiones-1276315063/>
13. Aznar dice que la Ley de Memoria Histórica es un «grave error» que elimina el «pacto» de la transición democrática. Libertad digital. 11.12.2007 [Electronic resource]. — URL: <http://www.libertaddigital.com/nacional/aznar-dice-que-la-ley-de-memoria-historica-es-un-grave-error-que-elimina-el-pacto-de-la-transicion-democratica-1276319311/>
14. La ley de memoria histórica define la crisis de España [Electronic resource]. —URL: <http://www.piomoa.es/?p=2880>
15. Rajoy: La ley de Memoria Histórica...

16. El Confidencial, 10.03.2016.
17. El Mundo, 11.02.2016
18. ABC, 08.07.2015.
19. Avilés Farré J. Veinticinco años después: la memoria de la transición. // Historia del Presente. — 2002. № 1. — P. 89.
20. El barometro de octuvre de 2005. — URL: www.cis.es.
21. El País, 18.07.2006.
22. Подробнее см.: Матусевич О. А. мемориальное законодательство: генезис и противоречия // БГТУ. — 2014. № 5. — С. 116—118.